

бренные выше, показали характер этих совпадений); во-вторых, они случайны и не характеризуют структурных свойств обоих языков, например того, что в японском языке глагол имеет изменяемые формативы, а в корейском эти формативы не изменяемы, или, например, того, что в японском языке глагол и прилагательное резко отличаются друг от друга, в то время как в корейском они входят фактически в одну часть речи, в одну более общую категорию предикативных слов; в-третьих, эти сопоставления топорны с точки зрения компаративной грамматики, с точки зрения строжайшего отношения этой грамматики к фонетическим законам. Примером легкомысленного отношения к фонетическому закону может служить следующее сопоставление, которое я привожу полностью:

«Японские *hebi* «змея», *habu* (*trimeresurus riukiuanus*), *hami* «ехидна» и *hato* «морской угорь» происходят от одного и того же слова и родственны корейскому *peam* «змея». ¹²

Это типичнейшее для Канадзава сопоставление, где не видно и следа работы фонетической мысли: почему в самом японском различны конечные гласные *i*, *u*, *o*, рефлексом какого общего гласного они являются, почему в японском различны конечные согласные *m*, *b*, рефлексом какого общего согласного они являются; каким образом японское *a* или *e* в корне соответствует корейскому *ea* и даже *aia*, что засвидетельствовано ранними памятниками в корейском, является ли это случайным соответствием или здесь скрыта более глубокая закономерность? На все эти вопросы мы не находим ответа у Канадзава, да он, собственно говоря, и не собирался давать на них ответы; ведь его «работа» обращена «к широкой публике», на специалистов она не рассчитана. Ну, где уж тут широкой публике входить в такие тонкости фонетического исследования. «Широкая публика» съест все, что ей дадут, особенно если это будет способствовать разъяснению и предупреждению «политических и дипломатических недоразумений».

8. В 1921 г. появилась работа известного японского корееведа Огура Симпэй под названием: «Вклад в японоведение и корееведение»

(小倉進平國語及朝鮮語のため). В этой работе, ко-

торая сделана гораздо тоньше, дипломатичнее, делается попытка показать сходство японского и корейского языка на более глубокой теоретической базе. Обратим внимание читателя на статью в указанном сборнике, носящую название «Генеалогическая характеристика японского и корейского языков».

Автор в означенной статье указывает, что опыты сравнения японского языка с урало-алтайскими делались уже очень давно и что пионером в этой области надо считать Клапрота, который еще в 1820 г. указал на принадлежность как корейского, так и японского языков к урало-алтайской семье языков. Далее Огура Симпэй отмечает, что попытки сопоставления корейского языка с японским делались и в Японии еще в XVIII в., ссылаясь на того же самого Фудзии, который подвергся таким гневным нападкам со стороны Мотоори, о чем мы уже упоминали выше. Далее он указывает на Араи Хакусэки (1657—1725). Позже к этому вопросу возвращались Канадзава, Сиратори, Миядзаки и англичанин Астон в своем труде «A comparative study of the japanese and korean languages» (1897). Общий недостаток всех этих работ, по мнению Огура Симпэй, заключается в том, что они ограничивают свое исследование пределами слова. Между тем, как говорит Огура Симпэй, необходимо показать родство японского и корейского языков на базе урало-алтайской семьи, учесть весь комплекс лингви-

¹² Там же, стр. 12.